

13049.

16775

А. А. ЕВДОКИМОВЪ.

ЗЕМСКАЯ СТАТИСТИКА.

Картинка съ натуры

МОСКВА.
Типо-лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1898.

13099

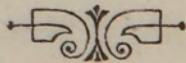
А. А. ЕВДОКИМОВЪ.

16775

ЗЕМСКАЯ СТАТИСТИКА.

Картинка съ натуры.

МОСКВА.

Типо-лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1898.

Библиотека КНУ СССР

39

12

12/11/98

77454

Дозволено цензурою. Москва, 11 февраля 1898 года.

I.

Въ одинъ изъ праздничныхъ февральскихъ дней, какъ разъ передъ масленицей, мужикъ, Сидоръ Кодюхинъ, ѣхаль изъ своей деревни въ саняхъ въ городъ.

Небольшая кляченка бураго цвѣта, совсѣмъ тощая, съ впалыми боками, волочила его сани по ледянистой дорогѣ. Несмотря на всѣ ея уси-
лія, чтобы сохранить равновѣсіе, сани то и дѣло сами собою раскатывались по сторонамъ дороги.

Уже не одинъ ударъ кнута со свистомъ получала она за это по ногамъ и по спинѣ. Но, привыкнувъ къ этимъ ударамъ и не имѣя безъ нихъ даже представленія о своемъ существованіи, она безропотно переносила ихъ и продолжала бѣжать такъ, какъ ихъ-бы и не было.

Ее то и дѣло обгоняли другія лошади, болѣе рѣзвыя и болѣе сытыя, съ болѣе сытыми хозяевами въ саняхъ, направлявшимися по той-же дорогѣ въ городъ.

Сидоръ Кодюхинъ всякій разъ, замѣчая это, дергалъ возжами, кричалъ и неистово стегалъ кнутомъ.

И небольшая кляченка, приходя совсѣмъ въ отчаяніе и не зная, откуда взять ей рыси, пу-
скалась въ скачъ.

Но Сидоръ Кодюхинъ за это еще болѣе сердился, потому что сани, скользившія все время по дорогѣ, вдругъ поворачивали въ сторону и попадали кляченкѣ подъ ноги и затѣмъ, чуть не сбивши ее, залетали впередъ, такъ что кляченка сама, еле-еле удержавшись на мѣстѣ, останавливалась. Сидору Кодюхину приходилось тогда слѣзть съ саней, брать свою кляченку подъ уздцы и отводить ее въ сторону и такимъ образомъ мѣнять направленіе саней, потому что сани смотрѣли тогда назадъ въ деревню. При этомъ все закипало у Сидора Кодюхина и, схвативъ обыкновенно узду, онъ несуразно дергалъ ею въ стороны и потомъ, ударивши не разъ кляченку по головѣ, садился самъ въ сани, наматывалъ на руки возжи и стегалъ кнутомъ. Но кляченка вздрагивала лишь при каждомъ ударѣ и продолжала трусить въ городъ.

Такъ проѣхалъ Сидоръ Кодюхинъ вплоть до

оврага, выкарабкавшись изъ котораго, онъ завидѣлъ и городъ. Оставалось не болѣе версты до города: вдали уже завиднѣлась пригородная слобода, полуразрушенныя лачужки съ небольшою наклонившеюся ракитою, стоящею какъ разъ на дорогѣ при въѣздѣ въ городъ, а тамъ, за нею, два большія бѣлыя каменные зданія, колокольни церквей, скворешни...

Сидоръ Кодюхинъ утихъ.

Доставъ изъ-подъ себя три пары новыхъ лаптей: двѣ лычныя и одну пеньковую, онъ осмотрѣлъ ихъ, постучалъ ими, затѣмъ сложилъ опять попарно, обвязалъ каждую пару небольшою веревочкою и сказалъ про себя: „Гривень пять надоть получить—лапти хорошіе: съ лычныхъ по гривеннику, значить—двугривенный, да съ пеньковыхъ три гривенника—не Богъ вѣсть цѣна какая!“ А потомъ, задумавшись, проговорилъ: „Масла надоть, керасилу, спиць, Ильичу гривну, себѣ лыка“... И возжи опустились у него изъ рукъ.

Кляченка, воспользовавшись раздумьемъ своего хозяина, рѣшила немного перевести духъ. Она поспѣшно и судорожно стала вбирать въ себя свѣжій воздухъ и уже съ ноги на ногу волочила сани.

Какъ вдругъ, неожиданный ударъ кнута со свистомъ заставилъ ее вздрогнуть и она, почувствовавъ себя виноватою, опять затрусѣла въ городъ.

„И тебѣ корма! и тебѣ корма!“ — кричалъ, задыхаясь, въ саняхъ Сидоръ Кодюхинъ.

Сани въѣхали въ городъ.

По улицамъ раздался благовѣстъ.

Сидоръ Кодюхинъ снялъ шапку и перекрестился.

Кляченка поплелась по слободѣ: она пробѣжала мимо знакомыхъ для нея лавокъ, харчевенъ и, миновавъ послѣднюю изъ нихъ съ жаренымъ поросенкомъ на вывѣскѣ, смекнула куда надо ѣхать.

Но и это ей ничуть не помогло: тѣ-же удары кнута посыпались на нее.

Пролетѣвъ всю площадь длинную съ наваленными на ней бревнами и всякимъ лѣсомъ, она очутилась на базарѣ. Базаръ былъ полонъ народа.

Торгъ обѣщалъ быть выгоднымъ.

Законъ „спроса и предложенія“, на которомъ зиждется, по понятію политико-экономистовъ, всякій базаръ, имѣлъ мало-таки отношенія въ настоящій день къ Сидору Кодюхину: все его предложеніе заключалось въ трехъ парахъ лап-

тей. „А лапотъ“—разсуждалъ онъ самъ съ собою, по справедливости,—„товаръ такой, что всегда нуженъ“. И Сидоръ Кодюхинъ былъ увѣренъ, что товаръ его найдетъ покупателя, но мечталъ лишь о томъ, чтобы послѣдній не сталъ „выжимать“ съ лаптя.

И дѣйствительно: нашлись покупатели, которые заплатили ему по гривеннику съ личной пары, но одинъ изъ нихъ „мужиченко-выжима“ выжалъ-таки у него съ пеньковой пары гривенникъ съ тѣмъ, чтобы распить его вмѣстѣ. Сидоръ Кодюхинъ сдался и, усѣвшись вмѣстѣ съ нимъ въ сани, дернулъ возжами.

Кляченка затрусѣла вдоль базара и доставила ихъ обоихъ къ винной лавкѣ. Покупатель выскочилъ изъ саней и тутъ-же скрылся въ лавкѣ. Вслѣдъ за нимъ и Сидоръ Кодюхинъ всталъ, пристегнулъ возжи къ небольшому столбику, помѣщавшемуся подлѣ тротуара.

„У меня безъ обману всякаго!“—хвастался покупатель, держа уже въ рукахъ крошечную бутылку съ свѣтлою жидкостью и выталкивая вмѣстѣ съ тѣмъ пробку.

„На, пей!“—обратился онъ къ Сидору Кодю

хину, передавая ему уже откупоренную бутылку въ руки.

Сидоръ Кодюхинъ снялъ шапку, перекрестился, вытеръ рукавомъ набѣжавшія на ротъ слюни и, наставивъ въ ротъ горлышко, забулькалъ. Отпивъ до половины, онъ передалъ бутылку покупателю. И покупатель забулькалъ, допивъ уже жидкость до дна.

И такъ они оба выпили, закусили отгрызкомъ ситника, найденнымъ у покупателя въ полушубкѣ, и потянули изъ кармановъ кисеты; оба закурили.

Аппетитъ разыгрался и у того и у другого.

„Мужиченко-выжима“ сталъ переминаться на мѣстѣ, спрашивая Сидора Кодюхина о торгѣ, о выручкѣ, въ надеждѣ, что и онъ удовлетворитъ его аппетиту. Но Сидоръ Кодюхинъ, отгадавъ его мысль и ощупавъ лежавшія въ его карманѣ и необходимые на предстоящія покупки два двугривенныхъ, поблагодарилъ лишь, сплюнулъ докупренную сигарку на земь и поспѣшилъ къ санямъ.

Отвязавъ возжи отъ столбика, онъ забрался опять въ сани и опять понукнулъ кляченку.

Кляченка затрусѣла отъ лавки по улицѣ и хотя съ такою-же, какъ и прежде, рысью и съ тѣми-

же неудачами при образовавшихся отъ накатанной дороги препятствіяхъ, но Сидоръ Кодюхинъ утихъ и не хлесталъ уже ее такъ, какъ прежде, не дергалъ возжами и не билъ при размахѣ саней въ сторону, а давалъ ей полную возможность оправиться и затѣмъ слѣдовать дальше.

Повидимому, онъ повеселѣлъ даже и сидѣлъ, уже нѣсколько развалившись въ саняхъ, помахивая лишь кнутомъ и въ стороны, и вверхъ и ничуть не задѣвая имъ кляченки.

Онъ держалъ направленіе къ Ильичу, къ своему кредитору—лавочнику.

Дорога къ послѣднему лежала черезъ рѣчку, на набережной которой была кручь. Спускъ по ней на рѣку былъ крайне отлогъ съ раскатами по сторонамъ.

Сидоръ Кодюхинъ былъ уже на этой кручи.

Сани катились по спуску сами собою внизъ, безъ малѣйшихъ усилій кляченки: одно только стараніе было замѣтно съ ея стороны — это сохранить равновѣсіе. Но, вслѣдствіе слишкомъ веселыхъ и учащенныхъ взмахиваній кнута съ „гиканьемъ“, кляченка пустилась въ скачъ. Сани, летѣвшія до того времени сами собою съ горы, попадали ей подъ ноги, толкали ее впередъ и

подъ конецъ, накренившись въ сторону, поволокли ее съ кручи. Несмотря на всѣ ея усилія и крикъ оторопѣвшаго хозяина, онѣ стащили ее и вмѣстѣ съ нею покатались внизъ, и благодаря лишь сугробу снѣга, нанесенному на половинѣ кручи, кляченкѣ удалось-таки сдержать ихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ въ снѣгу. Увязнувъ въ немъ передними ногами по самую грудь, она вдругъ натужилась и замерла на мѣстѣ, широко раздувая ноздри и еле-еле переводя духъ отъ чрезвычайныхъ усилій, употребленныхъ ею.

Позади нея была пропасть, и казалось вотъ-вотъ близко мгновеніе, когда она, при своемъ неестественномъ положеніи съ подпиравшею въ самую щеку оглоблею, не сдержится на мѣстѣ и вмѣстѣ съ санями грохнется въ нее.

Сидоръ Кодюхинъ, совсѣмъ оторопѣвши, поспѣшилъ изъ саней, но выскочивъ и увязнувъ здѣсь-же въ снѣгу, не зналъ, что дѣлать. Понуканія на этотъ разъ показались ему совсѣмъ излишними: вверху былъ скатъ отлогій и весь обледенѣлый, мѣстами съ виднѣвшеюся изъ-подо льда землею, и если-бы кляченкѣ удалось, какъ разсудилъ Сидоръ Кодюхинъ, выволочить къ нему сани по снѣгу, то онъ не даль-бы возможности выволочить ихъ на

дорогу; а внизу, за такимъ-же обледенѣлымъ скатомъ, былъ обрывъ, грозившій еще болѣе.

Подумавши нѣсколько, онъ сталъ выпрягать кляченку изъ саней.

Въ скоромъ времени кляченка почувствовала свободу отъ отведенной въ сторону оглобли, успѣвшей ей уже растереть всю щеку, вздохнула свободнѣе, но, потерявъ силы, не пыталась ужъ высвободиться изъ снѣга.

„Но! но! но!“—завопилъ Сидоръ Кодюхинъ, подгоняя ее рукой.

Кляченка натужилась, забила поспѣшно ногами по снѣгу, вскочила было, но тутъ-же опять увязла.

„Но!“—завопилъ Сидоръ Кодюхинъ.

Кляченка вскочила опять на ноги, высвободилась изъ снѣга, но отлогій скать, весь обледенѣлый, опять не пустилъ ее. Карабкаясь безпрестанно по немъ передними ногами, она не могла устоять на мѣстѣ и тотчасъ-же опять скатывалась.

„Но! но! но!“—завопилъ Сидоръ Кодюхинъ во все свое горло, замахавъ на нее обѣими руками и желая хоть этимъ подогнать ее.

Но кляченка, выбившись уже совсѣмъ изъ силъ, хотя и вскочила было на обледенѣлую землю и устояла на ней мгновенье, не удержалась и тот-

часть-же упала въ снѣгъ навзничъ, а затѣмъ, перевернувшись въ немъ и на этотъ разъ не удержавшись и въ снѣгу, покатилаь далеко внизъ.

Она миновала уже Сидора Кодюхина съ разведенными отъ ужаса руками и катилась дальше по обледенѣлому скату, тщетно пытаясь вскочить на ноги.

Еще одно движеніе у обрыва, и она опрометью слетѣла въ бездну.

У Сидора Конюхина оборвалось вмѣстѣ съ нею сердце: ему не видно было, гдѣ она и что съ нею, но неестественное движеніе передней „правой“ ноги, какъ ему показалось, подвернувшейся подъ нее, повергло его въ крайнее отчаяніе. Схватившись за голову, онъ тутъ-же бросился на дорогу. Но обледенѣлый скатъ и его не пустилъ, —долго карабкаясь по немъ, онъ насилу взобрался и побѣжалъ внизъ по дорогѣ, а затѣмъ, добѣжавъ до рѣки, по набережной, утопая по колѣно въ снѣгу, нанесенному подъ кручью.

Далеко еще онъ завидѣлъ кляченку, лежавшую въ снѣгу — на мгновеніе его успокоило это: снѣгъ, нанесенный въ изобиліи въ лощинѣ, могъ-бы,

какъ подумалъ онъ, спасти ее, но неестественное движеніе ноги, замѣченное имъ раньше, не выходило у него изъ головы и потому, приближаясь къ ней, онъ весь вперился въ ея переднія ноги.

Но ногъ не было видно.

Кляченка не лежала, а вѣрнѣе—сидѣла въ снѣгу, глубоко пробивши своею тяжестью его обледенѣлую корку. Заднія ноги ея совсѣмъ увязли и казалось достигали земли, переднія-же были подогнуты подъ нее. Выпученные неимоверно глаза выражали страхъ, ужасъ, отчаяніе, перенесенные ею. Отъ ея тѣла шелъ паръ, клубомъ поднимавшійся кверху и разстилавшійся по снѣгу. Учащенное дыханіе съ дрожью въ тѣлѣ выражало всѣ мученія, испытываемыя ею.

Сидоръ Кодюхинъ подбѣжалъ къ ней вплотную, но тутъ-же, взглянувъ, замѣтилъ неестественно подогнутую ногу съ копытомъ, торчавшимъ изъ-подъ снѣга совсѣмъ кверху.

Ему показалось, что нога дѣйствительно переломлена.

Онъ наклонился къ самой ногѣ, желая убѣдиться вполнѣ, такъ-ли это, но тутъ-же убѣдившись и замѣтивъ нѣсколько капель крови, вы-

ступившей подлѣ колѣна, и не желая уже болѣе видѣть того, что на самомъ дѣлѣ было, онъ отвернулся тотчасъ-же въ сторону и совсѣмъ въ отчаяніи взмахнулъ рукою.

II.

Въ это время по льду къ нему подоспѣлъ одинъ изъ зѣвакъ, давно слѣдившихъ за нимъ съ противоположнаго берега рѣки.

„Ну что?“ — спросилъ онъ съ жадностью, желая узнать отъ него, въ чемъ дѣло. „Ничего?“ — переспросилъ онъ молчавшаго и только топтавшагося на одномъ мѣстѣ Сидора Кодюхина.

„Какъ ничего!“ — простоналъ Сидоръ Кодюхинъ, указывая на кляченку. — Эхъ, Господи!“

„Га!“ — произнесъ подоспѣвшій, увидавъ переломленную ногу.

Удовлетворивши такимъ образомъ своему любопытству, онъ уже болѣе ни о чемъ не спрашивалъ и переминался на мѣстѣ, поджидая двухъ бѣгущихъ къ нему по льду.

„А что?“ — кричали они оба въ одинъ голосъ, обгоняя другъ-друга.

„Сломала!“ — крикнулъ стоящій возлѣ Сидора Кодюхина.

Оба малыхъ также съ поспѣшностью приблизились къ кляченкѣ и также съ жадностью вгляделись въ ея переломленную ногу.

„Я говорилъ тебѣ — сломаетъ!“ — обратился одинъ къ другому, вынимая изъ кармана жестянку съ табакомъ и бумажку.

„Я и самъ думалъ — сломаетъ!“ — сказалъ подоспѣвшій раньше нихъ.

„На обрывѣ и сломала!“ — произнесъ малый съ жестянкой въ рукѣ, одобрительно кивнувъ себѣ головою.

„То-то, братецъ мой, что на обрывѣ — запищалъ Сидоръ Кодюхинъ. — Если-бъ не на обрывѣ, цѣла-бъ была!“

„Эхъ, Господи!“ — вздохнулъ онъ, подойдя опять къ кляченкѣ отъ своихъ собесѣдниковъ, занявшихся уже своими разговорами о какомъ-то предстоящемъ на широкую масленицу особенно широкомъ весельѣ.

Онъ долго кружился около ней, вздыхалъ и только всплескивалъ руками.

Между тѣмъ толпа росла подлѣ него.

Какъ и всегда тамъ, гдѣ животное находится въ безпомощномъ состояніи — обезсилило или въ предсмертныхъ мученіяхъ оно, то, завидя его,

съ жадностью появляется ястребъ или какой другой хищникъ, такъ точно и здѣсь, въ толпѣ, подлѣ кляченки уже красовался прасолъ въ рыжемъ дубленомъ полушубкѣ съ обрюзгшимъ одутловатымъ лицомъ и съ глазами, выкатывающимися наружу. Толпа даже пестрилась по своему виду: въ ней былъ гимназистъ толстый, въ плотную облегавшемъ его пальто съ блестящими на солнцѣ пуговицами; старикъ съ бѣлой, какъ снѣгъ, бородою; баба въ красномъ платкѣ и съ корзинкой въ рукѣ; нѣсколько чуюкъ; купецъ исполинскаго роста и необъятной толщины...

„Ты-бы поднялъ ее!“ — обратился изъ толпы старикъ къ Сидору Кодюхину.

„Но! но! пфсэ!“ — подбодрилъ Сидоръ Кодюхинъ кляченку.

Кляченка еле повернула головою въ сторону, выражая глазами, полными слезъ, невозможность не только подняться, но и шевельнуться на мѣстѣ. И повернувши, опять замерла въ прежнемъ положеніи.

„Эхъ, Господи!“ — завопилъ Сидоръ Кодюхинъ, подбѣжавъ къ ней съ другой стороны.

„Ты возжами ее! — На возжахъ подыми, слышь! —

обратился къ нему старикъ.—Гдѣ возжи-то у тебя?“

Сидоръ Кодюхинъ вскинулъ на него растерянными глазами и, вспомнивъ про сани, стоявшія на горѣ, бросился за возжами.

„Совсѣмъ растерялся!—замѣтилъ, ухмыльнувшись, малый въ чуйкѣ, въ кожаныхъ калошахъ и съ хлыстикомъ въ рукѣ.—Вишь, сани потерялъ!“

Гимназистъ разсмѣялся.

Между тѣмъ Сидоръ Кодюхинъ, взобравшись на гору и скатившись къ санямъ, отстегнулъ возжи и, еле вскарабкавшись обратно, бѣжалъ съ ними по дорогѣ.

Всѣ принялись подымать кляченку: малый—понукая хлыстикомъ; баба—замахавъ корзинкой; Сидоръ Кодюхинъ, уцѣпившись кляченкѣ за шею; старикъ съ другой стороны, подвернувъ подъ задъ возжи и приподымая задъ возжами; остальные—понуканіями.

Но лишь только удалось стронуть кляченку съ мѣста, она забила судорожно ногами и опустилась тотчасъ-же на снѣгъ, протянувъ далеко голову и откинувъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ сторону переломленную ногу.

Толпа приступила къ болѣе рьянымъ понуканіямъ.

„Но! но! но!“ — вопилъ старикъ, подпирая ей въ бокъ.

„Но!“ — гремѣло со всѣхъ сторонъ.

Кляченка вскочила съ разметавшеюся по сторонамъ гривой, заболтала переломленною ногою и, подогнувъ ее подъ себя, замерла такимъ образомъ передъ толпою на колѣняхъ. Отъ жгучей боли въ ногѣ и во всемъ тѣлѣ шкура на ней вся дрожала.

„Но!“ — опять завопили въ толпѣ.

Тогда она собралась съ послѣдними усиліями, широко вздула ноздри и, выпуча глаза въ одну точку, забилась на мѣстѣ въ снѣгу, затѣмъ проелозила по немъ на колѣняхъ, оставивъ послѣ себя большой кровавой слѣдъ и, ощутивъ подъ собою болѣе твердую, обледенѣлую почву, вскочила на ноги и только отъ общихъ криковъ устояла на мѣстѣ.

Передняя правая нога, немного ниже колѣна, повисла у ней, какъ на тесѣмѣ.

На одно мгновеніе всѣ смолкли въ толпѣ.

„Фысь!“ — подогналъ было Сидоръ Кодюхинъ

кляченку, оживившись отъ того, что она стояла на ногахъ.

Но правая нога лишь заболталась, какъ на тесьмѣ, и кляченка не сдвинулась съ мѣста.

„Таперя на шкуру!“ — произнесъ прасоль вполне убедительно, обращаясь и къ толпѣ, и къ Сидору Кодюхину.

„Эхъ, Господи!“ — завопилъ Сидоръ Кодюхинъ, опять всплеснувъ руками.

„На Томилинской могутъ вылѣчить! — замѣтила чуйка — тамъ лѣчебница есть“.

„А сколько на ней пролѣчишься-то!“ — сказалъ прасоль.

„Тамъ даромъ лѣчатъ!“ — отвѣтила чуйка.

„Да нѣшто скоро вылѣчатъ-то! — произнесъ старикъ, закачавъ головою. — У Ѳедотыча, помнишь — обратился онъ къ другой чуйкѣ съ брелоками на груди — сколько проходила въ лубочкахъ!“.

„Въ мѣсяць не вылѣчишь?“ — пропичалъ Сидоръ Кодюхинъ, обратившись къ старику.

Мѣсяць былъ единственный и благодатный для него срокъ, такъ какъ, по истеченіи его, наступала пора сработки не только его земли, но и земли, взятой у помѣщика.

„Какой скорый — въ мѣсяць! — отвѣтилъ за его

собесѣдника прасоль—Годъ простойтъ, пролежить безъ дѣловъ. А ты корми ее! А кормь нынче дешевъ, что-ли?“

Сидоръ Кодюхинъ вздохнулъ еще глубже.

„Вправду—годъ! — подтвердилъ старикъ. — У Оедотыча аккуратъ годъ проходила безъ дѣловъ, а все-же срослась. Такъ и у ей срастется“.

„Сра-стет-ся! — протянулъ иронически прасоль, сдѣлавъ при этомъ нецензурное сравненіе — Какъ ни штопай, небось — не срастется!“

„Этто вѣрно! — подтвердилъ, улыбнувшись, малый съ хлыстикомъ, подойдя къ кляченкѣ — Вишь, ножкой дрыгаетъ! — сказалъ онъ, щекоча ей больную ногу хлыстикомъ — вишь!“

Гимназистъ залился отчаяннымъ смѣхомъ.

Всѣ смолкли.

„Ясныя пуговицы — ты, скажи, чему тебя учать?!“ — обратился къ нему Сидоръ Кодюхинъ съ слезами на глазахъ.

Гимназистъ поправилъ свои уши въ приподнятомъ отъ пальто воротникѣ, усмѣхнулся лишь въ отвѣтъ на его замѣчаніе и продолжалъ съ такимъ же интересомъ слѣдить за вздрагиваніями кляченки.

„Ступай въ Управу — тамъ тебѣ расскажутъ,

какъ быть и что дѣлать“ — слышался чей-то новый резонирующий голосъ изъ толпы.

„Это въ земскую?“ — спросилъ малый щегольски одѣтый, въ ботфортахъ.

„Да-съ! Пусть сходить туда — тамъ помогутъ ему“ — отвѣтилъ голосъ.

„По-мо-гутъ! — иронически протянулъ малый. — Нашли милосердный домъ, чтобъ помогать“.

„А я говорю помогутъ! — перебил его голосъ — потому это ихъ дѣло... Вотъ развѣ — праздникъ“.

„Праздникъ, не праздникъ, — а ничего толковъ не будетъ: тамъ не помогаютъ, а съ великимъ удовольствіемъ по міру пустятъ съ сумой!.. Я говорю, потому видѣлъ и знаю, а ты“ — обратился было малый къ своему оппоненту, но вдругъ, не найдя его подлѣ себя, смолкъ. Замѣтивъ, что и всѣ молчатъ, онъ опять заговорилъ, но уже не такъ громко: „Я вѣдь самъ хорошо это дѣло знаю, потому нашъ баринъ тамъ служить. Что-жъ, и баринъ нашъ — такъ ужъ и взялся онъ надъ твоей лошадежкой — какъ-же!“ — сказалъ онъ Сидору Кодюхину, поднявшему на него въ это время свои слезливые глаза.

„Нѣтъ-съ, помогутъ! — слышался гдѣ-то изъ толпы голосъ прежняго оппонента — потому это

ихъ дѣло, обязанность-съ и служба: пещись-да! помогать-съ вотъ имъ!“ и онъ тыкнулъ пальцемъ въ слезливые глаза Сидора Кодюхина.

„Ихъ дѣло—измываться надъ несчастіемъ и только—сказалъ малый.—„Анадысь, Петровичъ, главный писарь статистскій—обратился онъ къ стоящей возлѣ него чуйкѣ—самъ хвалился мнѣ, сколько нищихъ у насъ по губерніи“.

„А я говорю тамъ дохтуръ есть собачій и лошадиный“—возразилъ оппонентъ.

„Что-жъ докторъ?“

„Онъ все расскажетъ“.

„Я говорю: по-мо-гать! А рассказать и мы можемъ. Собачій-съ докторъ, если и скажетъ что, такъ: сломала погу, иди—лѣчи! Это—все равно, что ничего-съ!“

„Онъ лѣкарства дастъ, вотъ что!“ — возразилъ оппонентъ.

„Ну и лѣкарства дастъ, такъ что же?—и это ничего-съ: ему лошадь нужна. А кто ее, больную, кормить будетъ?—она безъ дѣловъ будетъ, значить: и ей кормъ нуженъ и другая пужна!“

„И я то-жъ говорю!“—отозвался прасоль.

„И это-съ въ расчетъ примутъ!“—откликнулся неуступчивый оппонентъ.

„Какъ ни толкуйте, а денегъ не дадутъ!—сказалъ малый, одобрительно закачавъ себѣ головою.—Одно скажутъ: „отъ Правит-ства не приходили. А „своихъ“ тамъ никто не дастъ! И грѣхомъ стали считать подавать: даже другимъ отсовѣтываютъ. Такъ-то! Лучше по міру итти, чѣмъ въ Управу“.

Сидоръ Кодюхинъ, все время молча слушавшій разсужденія, вдругъ зарыдалъ. Приложивъ обѣ руки къ лицу и безпрестанно елозя ими по глазамъ, онъ рыдалъ все громче и громче.

Въ толпѣ всѣ утихли.

„Теперь какъ ни хнычь, дѣло не поправишь. И чортъ тебя несъ сюды ѣхать!—Аль ослѣпѣты: дороги не видишь?—Чортъ! самъ виноватъ“ проговорилъ молчавшій все время купецъ и съ сердцемъ вышелъ изъ толпы.

Толпа попрежнему молчала.

„Э!—да вонъ и баринъ нашъ ѣдетъ и Петровичъ съ имъ—да!“—вдругъ прошепталъ малый, указывая рукой на сани, спускавшіяся съ противоположнаго берега на рѣку.

III.

Въ саняхъ, дѣйствительно, были два сѣдока:

одинъ толстый, обрюзгшій, въ енотовой шубѣ, развалился во всѣ сани; другой же, напротивъ того, очень тонкій, еле-еле пригромоздился и даже поддерживался рукою за сани съ тѣмъ, чтобы не вылетѣть. За енотами, скрывавшими лицо развалившагося сѣдока, нельзя было разобратъ его, хотя сани, проѣхавши по льду, уже приближались къ толпѣ; одно было видно, что оно у него обрюзгло и одутло и лоснится, какъ масленичный блинъ; исполинскіе усы въ два яруса, торчавшіе изъ за мѣха, сливались съ его шерстью. Повидимому, это и былъ господинъ, про котораго говорилъ малый, т. е. его „баринъ“.

Видъ же рядомъ съ нимъ сидѣвшаго былъ очень неопредѣленный: на немъ была шуба уже не первой ветхости, съ заплатами на самыхъ видныхъ мѣстахъ и даже на спинѣ; лисій мѣхъ, служившій воротникомъ шубы и обрамлявшій его длинное, испитое лицо, былъ совсѣмъ облѣзлый и мѣстами безъ шерсти, такъ что представлялъ собою почти голую шкурку, изъ которой выглядывали два маленькіе прищуренные глазика; войлочная шапка, также совсѣмъ изношенная, причудливымъ колпачкомъ сидѣла на головѣ; при всемъ этомъ на рукахъ были натянуты бѣлые

лайковыя перчатки, какія подъ стать только на балъ, а на ногахъ—болотные и совсѣмъ порыжѣлые сапоги.

По такому странному и смѣшанному костюму сидѣвшаго въ саняхъ нельзя-бъ было дать никакого опредѣленія ни его званію, ни сословію, къ которому онъ принадлежалъ, ни роду его занятій, если-бы не предупрежденіе малаго, скрывшагося тотчасъ-же въ толпѣ, при появленіи саней, что то—главный „статистскій“ писарь (очевидно—завѣдующій статистическимъ бюро при Управѣ).

Рысакъ, весь вспотѣвшій, выволокъ сани на косогоръ, при чемъ тонкій человѣкъ выказалъ неимовѣрную гибкость и самъ, чуть не выскочивши изъ саней, вдругъ изогнулся прутомъ и успѣлъ предупредить еще паденіе своего сосѣда, послѣ чего сани стали медленно подыматься на гору мимо толпы.

Толпа устремилась на сидѣвшихъ въ саняхъ.

Обрюзгшее лицо, съ отдутыми впередъ усами, тоже выглядывало изъ енотовъ, а за ними виднѣлись прищуренные глазки на длинномъ вытянутомъ лицѣ его сосѣда, повидимому заинтересовавшагося происшествіемъ и даже прислушивав-

шагося къ толпѣ однимъ ухомъ изъ подъ отвернутой въ сторону лисьей шкурки. Тутъ же, повидимому что-то разслышавши, онъ опустилъ шкурку и сообщилъ что-то на ухо своему сосѣду.

И сани остановились.

„Подойди къ барину — что ёнъ тебѣ скажетъ“ — шопотомъ обратился старикъ къ Сидору Кодюхину.

„Подойди!“ — толкнулъ его оппонентъ малаго съ узелкомъ подъ мышкой.

Сидоръ Кодюхинъ совсѣмъ растерялся, но потомъ, вскинувъ глазами на сидѣвшихъ въ саняхъ и сообразивъ, что самыя сани вмѣстѣ съ сидѣвшими могутъ тотчасъ-же исчезнуть, вдругъ спохватился и побѣжалъ по снѣгу, а затѣмъ по косогору по направленію къ санямъ.

„Баринъ, голубчикъ баринъ!“ — завопилъ онъ, еле-еле сдерживая наворачивавшіяся и попадавшія ему въ ротъ слезы.

Оба сидѣли неподвижно въ саняхъ.

„Баринъ, ваше благо-о о-ро-діе!“ — простоналъ онъ возлѣ саней, скинувъ съ себя шапку и упавъ на колѣни.

„Что скажешь?“ — обратился къ нему человекъ въ енотахъ самымъ покровительственнымъ тономъ.

„Ваше благо-о-родіе! — лошадь ногу сломала“ пропищалъ Сидоръ Кодюхинъ.

„Одну?“ — спросилъ челоѣкъ въ енотахъ съ необыкновеннымъ спокойствіемъ на лицѣ.

„Одну, ваше благо-о-родіе“.

„А лошадь одна?“

„Послѣдняя, ваше благо-о-родіе!“ — пропищаль Сидоръ Кодюхинъ, утирая набѣжавшія на глаза слезы.

„Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, — по-слѣд-ня-я! — произнесъ челоѣкъ въ енотахъ, какъ-бы утѣшая его — да! да! да!“

И на лицѣ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, вдругъ выразилось довольство, какъ-бы именно отъ того, что она была у него послѣдняя.

„Ну, а коровенка есть?“ — спросилъ онъ все тѣмъ-же покровительственнымъ тономъ.

„Нѣту-ти, ваше благо-о-родіе!“

„Ахъ, нѣту-ти! — да! да! да!“

„Ну, а земелька есть?“

„Есть надѣлишка, ваше благо-о-родіе!“

„Ахъ!... надѣлишка-то есть!“ — сказалъ челоѣкъ въ енотахъ, какъ-бы въ удивленіи отъ того, что у него былъ надѣлишко. И тутъ-же укоризненно кивнулъ головою, какъ будто это нехорошо было, что у него былъ надѣлишко.

„И, чай, съ базара ѣдешь?“ — спросилъ онъ его послѣ нѣкотораго молчанія.

„Съ базара, ваше благо-о-родіе!“

„И продалъ чтò?“

„Три пары лаптей продалъ“.

„А выручилъ?“

„Сорокъ копеекъ выручилъ“.

„Ахъ, сорокъ копеекъ—таки выручилъ!“ — произнесъ человѣкъ въ енотахъ съ тѣмъ-же удивленіемъ на лицѣ и такъ-же укоризненно кивнулъ головою, какъ будто и это нехорошо было, т. е. то, что онъ выручилъ сорокъ копеекъ.

„Ну, а, чай, по міру не пойдешь?“ — спросилъ онъ съ неудовольствіемъ очевидно отъ предчувствія получить отъ него отрицательный отвѣтъ.

„Какъ Богъ дастъ, ваше благо-о-родіе!“

„Ахъ, да! да! да!—это вѣрно“ — произнесъ человѣкъ въ енотахъ, поправляя самые еноты и выражая уже своимъ полнымъ спокойствіемъ на лицѣ, что онъ ничего не имѣлъ-бы и противъ того, если-бъ онъ дѣйствительно пошелъ по міру.

„Послушай!—взвизгнулъ вслѣдъ за нимъ тонкій человѣкъ, откидывая свою лисью шкурку, — ты здѣшній?“

„О-о-оскій!“ — отвѣтилъ Сидоръ Кодюхинъ.

„Такъ, — О-о-оскій. Скажи пожалуйста, часто-

ли случается это, т. е. то, что лошади ноги ломаются?”

„Какъ Богъ попуститъ“ — отвѣтилъ Сидоръ Кодюхинъ.

„Ага! — произнесъ тонкій человѣкъ, повидимому недовольный отвѣтомъ. — Ну, а, все-таки, случается — въ гололедицу или въ заморозки, что-ль?”

„Да вѣ! — пропищалъ Сидоръ Кодюхинъ, указывая по направленію своей кляченки. И слезы закапали изъ его глазъ.

„Такъ такъ! я вижу — произнесъ тонкій человѣкъ, смотря совсѣмъ по другому направленію. — Нѣтъ, а съ другими случается? — я спрашиваю“.

Но Сидоръ Кодюхинъ, не смотря на его вторичный и настойчивый вопросъ, ничего-таки не отвѣтилъ и только всхлипывалъ и елозилъ рукою по лицу, по глазамъ.

Тонкій человѣкъ смолкъ, какъ-бы давая ему возможность оправиться.

„Ну, а скажи пожалуйста — обратился онъ опять къ нему уже послѣ нѣкотораго молчанія — часто-ли случается, что „послѣдняя“ лошадь ногу сломаетъ?”

„Да вѣ! — пропищалъ Сидоръ Кодюхинъ, указывая опять по направленію кляченки.

„Да я не о томъ тебя спрашиваю—поправиль его тонкій человѣкъ съ видимой досадой на лицѣ.—Мы уже слышали это и знаемъ отлично, что у тебя это послѣдняя. Ну, а съ другими, у кого она тоже послѣдняя, часто-ли это случается?—*съ другими!*—я спрашиваю“.

„Вѣрь Богу—по-о-слѣдняя!“ — застоналъ Сидоръ Кодюхинъ, обливаясь слезами.

Тонкій человѣкъ съ досады опять смолкъ и даже отвернулся отъ него къ енотамъ.

„Тебя спрашиваютъ—обратился тогда къ Сидору Кодюхину человѣкъ въ енотахъ, желая съ своей стороны разъяснить предложенный и непонимаемый имъ вопросъ—часто-ли случается, что послѣдняя лошадь ногу сломаетъ одну или всѣ переломаетъ? — Понимаешь?! — Поѣдетъ кто-нибудь вотъ такъ, какъ ты, на базаръ. А лошадь спотыкнется и у-у-ухъ! внизъ, въ обрывъ куда-нибудь, и безъ ноги вдругъ останется вотъ такъ, какъ твоя. Такъ *часто-ли* это случается?—спрашиваемъ мы“.

Но Сидоръ Кодюхинъ, несмотря и на эти всѣ разъясненія и на свое кажущееся къ нимъ вниманіе, опять указалъ по направленію своей клечки и опять зарыдалъ.

Человѣкъ въ енотахъ переглянулся съ тонкимъ человѣкомъ и оба улыбнулись.

„Мы тебя спрашиваемъ—обратился къ нему опять тонкій человѣкъ, оправившись уже отъ досады и даже сдерживая наворачивающуюся на лицѣ улыбку — часто-ли *съ другими* случается то-же, что съ тобою случилось? Мы не о тебѣ спрашиваемъ—понимаешь?! Мы знаемъ, что съ тобою это случилось. И болѣе понятно не случится, потому что у тебя болѣе нѣтъ лошади. Ну, а *съ другими* вѣдь тоже случается это. Такъ часто-ли случается?—спрашиваемъ мы“.

„Да какъ Богъ попустить!“—отвѣтилъ Сидоръ Кодюхинъ.

„Ага!—произнесъ тонкій человѣкъ, повидимому опять недовольный отвѣтомъ—значить, все-таки, случается?“

„Да вѣстимо случается!“

„Ну вотъ мы о томъ и спрашиваемъ—сказалъ онъ, повидимому уже болѣе довольный отвѣтомъ.—Ну, и такъ случается, что послѣ того *только* сорокъ копеекъ останется—понимаешь?! У тебя коровы нѣтъ—это мы знаемъ. Но земля, все-таки, есть. Есть—ты сказалъ—надѣлишка?“ — переспросилъ онъ его.

„Надѣлишка, одинъ надѣлишка! и—пропищалъ Сидоръ Кодюхинъ.

„Ну хорошо—продолжалъ тонкій человѣкъ—у тебя есть надѣлишка. А у другихъ его нѣтъ. Такъ вотъ часто-ли случается, что тотъ, у кого нѣтъ и надѣлишка, поѣдетъ на базаръ, а лошадь ногу и сломаетъ, а у него *только* сорокъ копеекъ въ карманѣ останется?“

„Да вотъ у мене! вѣрь Богу—сорокъ копеекъ!“

„Э! да у тебя, братъ, надѣлишка есть!“ — сказалъ тонкій человѣкъ, ехидно улыбнувшись.

„Да что-жъ мнѣ съ имъ дѣлать!?“ — завопилъ Сидоръ Кодюхинъ, обливаясь слезами.

„Какъ что?“ — спросилъ онъ, не довѣряя его отчаянію и думая, что онъ его обманываетъ и навѣрно найдетъ, что дѣлать.

„Да безъ лошади-то! и—пояснилъ Сидоръ Кодюхинъ.

„Ахъ, да! — безъ лошади. Это вѣрно! вѣрно!“ — подтвердилъ тонкій человѣкъ, какъ-бы вполне довольный тѣмъ, что ему, дѣйствительно, нечего дѣлать. — Ну, и съ *другими* то-же случается?“

„Да вѣстимо случается!“

„Ну вотъ я о томъ и спрашиваю и—сказалъ онъ, повидимому вполне успокоившись.

„Значить, *часто* случается, что послѣ того, какъ лошадь ногу себѣ сломаетъ, *всего на всего* сорокъ копеекъ и останется въ карманѣ?“ — опять спросилъ онъ, какъ-бы уже смакуя то, о чемъ спрашивалъ.

„Да откуда-жъ больше взять-то — завопилъ Сидоръ Кодюхинъ — съ трехъ паръ лаптей!?“

„Да! да! — это вѣрно! — произнесъ тонкій человѣкъ, очевидно довольный и тѣмъ, что больше взять неоткуда. — Ну, а, чай, все будутъ лапти плести, а побираться не пойдутъ?“

„Да какъ Богъ дастъ! — съ лаптя какой кормъ? Придется побираться пойти, и пойдешь! Что подѣлаешь!“

„Да! да!“ — произнесъ тонкій человѣкъ, вполне согласный съ нимъ, и тутъ же, какъ-бы вполне уже довольный отвѣтомъ и тоже не имѣя ничего противъ того, если всѣ, о комъ онъ спрашивалъ, дѣйствительно пойдутъ побираться, отвернулся отъ него и откинулъ опять свою лисью шкурку.

И сани покатили на гору.

Сидоръ Кодюхинъ остался въ недоумѣніи на колѣняхъ.

Опомнившись, онъ вскочилъ и побѣжалъ опять за ними безъ шапки. У саней онъ опять упалъ на колѣни и зарыдалъ.

„Ваше благо-о-родіе! Отцы благодѣтели!“ — завопилъ онъ, заливаясь слезами.

„Что?... что тебѣ?“ — спросилъ человѣкъ въ енотахъ, вдругъ повернувшись въ его сторону, и какъ-бы въ удивленіи отъ того, что ему еще что-то отъ нихъ нужно.

„Отецъ благодѣтель! вѣрь слову—последняя!“ — простоналъ Сидоръ Кодюхинъ, уцѣпившись за сани.

„Ну, ты скоро, братецъ, въ сани къ намъ влѣзешь!“ — сказалъ онъ, отстраняя его отъ саней.

„Послушай! — взвизгнулъ тонкій человѣкъ, также отстраняя его отъ саней—что же тебѣ еще нужно?“ — И онъ растопырилъ даже руки отъ удивленія, что ему *еще* что-то нужно и что онъ недоволенъ даже и тѣмъ, что *онъ* съ нимъ говорилъ.

„Отецъ благодѣтель! — простоналъ Сидоръ Кодюхинъ, обратившись въ его сторону — вѣрь слову!..“

„Вѣрю! вѣрю! — проговорилъ тонкій человѣкъ, отъѣзжая отъ него вмѣстѣ съ санями. И я тоже самъ говорю—десять лѣтъ говорю, что у васъ сорокъ копеекъ и ничего даже нѣтъ и что вы нищими ходите... И двадцать буду говорить! и еще больше!“ — кричалъ онъ, перевѣсившись къ

нему изъ саней. Послѣ чего отвернулся, усѣлся попрежнему на самомъ ихъ краюшкѣ и покатиъ на гору.

Сани скрывались почти изъ виду.

Сидоръ Кодюхинъ, стоя на колѣняхъ, провожалъ ихъ заплаканными глазами.

.
„Ай!“ — вдругъ взвизгнулъ тонкій человѣкъ, какъ-бы ужаленный, и чуть было не упалъ изъ саней. „Деньги-то деньги!“ — проговорилъ онъ, совсѣмъ задыхаясь.

„Что—деньги?“ — спросилъ человѣкъ въ енотахъ.

Но тонкій человѣкъ ничего не могъ выговорить, трясся и сталъ вдругъ блѣднѣе смерти.

„Денегъ нѣтъ, нѣтъ де-е-негъ“ — проговорилъ онъ съ большими усиліями, ощупывая свои карманы и шубу, и брюки, и все.

„Что—вытащили?“ — спросилъ человѣкъ въ енотахъ.

„Вытащили! онъ! о-онъ!.. Гордовой! гор-рдовой!“ — закричалъ онъ и совсѣмъ поперхнулся, вмѣстѣ съ чѣмъ выскочилъ изъ саней и побѣжалъ по направленію къ Сидору Кодюхину.

„Ахъ, анаеема!“ — проговорилъ человѣкъ въ енотахъ и велѣлъ кучеру повернуть обратно лошадей.

Между тѣмъ подоспѣвшій городской держаль уже Сидора Кодюхина за руки.

„У него! навѣрно у него! вытащиль! ищи! обыщи!“ — кричалъ тонкій человѣкъ городовому, запыхиваясь и заплетаясь въ соскакивавшей съ него шубѣ. Тутъ, какъ-бы уже совсѣмъ ненужную и только мѣшавшую ему, онъ съ сердцемъ рванулъ ее и, готовый оторвать съ нея совсѣмъ лисью шкурку, также съ сердцемъ рванулъ и шкурку и такимъ образомъ обнажилъ все свое длинное, испуганное лицо и самъ весь распахнулся.

„Ваше—ство! — обратился онъ къ человѣку въ енотахъ, подѣхавшему къ нему въ саняхъ—ваше—ство! Я даже номера свои знаю: начиная съ 17362-го трехрублевыхъ... Девять сотенныхъ! 19563-ий, 29675-ый, 130959-ый!.. Два векселя!.. Ваше—ство! на 862 рубля каждый, безъ процентовъ!! — кричалъ онъ, дрожа всѣмъ своимъ тѣломъ. — Ваше—ство! вѣрьте слову—капиталь на 10683 рубля!.. Отдай! отдай! — вскрикнулъ онъ, подбѣжавъ въ изступленіи къ Сидору Кодюхину — Ищи! ищи!.. Ваше—ство! Я не клалъ ихъ въ банкъ—они лопаются... Они были у меня, всегда со мною и векселя тоже. Жена говорила: „Бери съ собою—цѣлѣе будутъ! и вещи золотыя бери!“

Но я бралъ только деньги, а вещи золотыя—она!.. И вотъ! и вотъ!—цѣлѣе будутъ!.. Ваше—ство! Я за 10 лѣтъ собралъ ихъ!.. Я не ѣлъ, ничего не ѣлъ—вѣрьте слову: одну сырость... Я вегетаріанцемъ сталъ, чтобъ только собрать денежки, де-е-неж-ки!—Эта шуба—она ничего не стоитъ: она по залогу досталась мнѣ еще съ тѣхъ поръ, когда я вернулся изъ Тобольской губерніи, куда былъ сосланъ вмѣстѣ съ К⁰, какъ политически неблагонадежный. Эту шапку я нашелъ, только жена почистила. Я ничего не тратилъ—вѣрьте слову: ни за квартиру, гдѣ жилъ какъ бѣдный даромъ, ни, ни... На однѣ только перчатки, чтобъ ѣздить съ вами... Ваше—ство! ваше—ство! „—завопилъ онъ, въ изступленіи хватаясь за человѣка въ енотахъ.

„Вотъ подождите—обыщеть!—сказалъ послѣдній.—Ахъ, анаеема!“

„Ищи! ищи!“—набросился тонкій человѣкъ на городского.

Но городской и такъ не церемонился: въ виду присутствія господъ, онъ нарочно, желая показать передъ ними свое усердіе, рвалъ полушубокъ, залѣзая за пазуху, разрывалъ воротъ...

„Побойтесь Бога, ваше благо-о-родіе!—пищаль

Сидоръ Кодюхинъ, дрожа какъ осиновый листъ. — Не бралъ! вѣрьте Богу — не бралъ!“

Съ этими словами вдругъ двѣ серебряныя монетки выпали у него изъ кармана и ударились объ снѣгъ.

„Га! А этто что?!“ — накинудся на нихъ, совсѣмъ потерявъ голову, тонкій человѣкъ.

„Мои! Ей-Богу, мои! — съ лаптей выручка. — Вѣрьте Богу — съ лаптей!“ — вскрикнулъ Сидоръ Кодюхинъ.

„У меня тоже были тамъ сорокъ копеекъ — кричалъ тонкій человѣкъ, подымая ихъ съ снѣга — почему-жъ это твои?“

„Мои! Ей Богу, мои!“ — завопилъ Сидоръ Кодюхинъ, пытаясь вырваться у городского.

„Говори, какіе на нихъ нумера? Говори, какого года?! — накинудся на него тонкій человѣкъ. — Ищи! ищи!“ — тутъ-же крикнулъ онъ городовому, уцѣпившись за Сидора Кодюхина.

Но городской стянулъ ужъ съ послѣдняго полушубокъ, обыскалъ ужъ рубашку, портки; оставались однѣ онучи, обернутыя веревочками, и лапти.

„Возьми! ищи! снимай!“ — говорилъ Сидоръ Кодюхинъ, готовый снять и лапти.

„Ахъ!... что я вспомнилъ! — вдругъ вскрикнулъ

тонкій человѣкъ, ударивши себя рукою по лбу—
деньги-то у меня... въ чул-кѣ!“

„Ну, садитесь!“—сказалъ человѣкъ въ ено-
тахъ, указывая ему на свободное въ саняхъ мѣсто.

Тонкій человѣкъ улыбнулся во всю, но очень
неуклюже, такъ какъ чувствовалъ себя все-таки
неловкимъ отъ присутствія подоспѣвшихъ на гору
зѣвакъ. Желая какъ-бы оправиться, онъ вдругъ
засуетился, вынулъ изъ кармана взятыя имъ со-
рокъ копеекъ и протягивая ихъ вмѣстѣ съ ру-
кою Сидору Кодюхину, съ особенною гордостью
произнесъ: „Если это твоя выручка съ лаптей,
возьми!—она мнѣ не нужна!“

Затѣмъ, какъ-бы даже заигрывая съ нимъ,
проговорилъ: „Оба шестьдесятъ перваго года!“
вмѣстѣ съ чѣмъ запахнулся попрежнему въ шубу,
взобрался опять въ сани и покатилъ на гору,
готовый даже раскланяться съ нимъ на про-
щанье.

Онъ чувствовалъ себя видимо уже какъ нельзя
лучше. И откинувъ опять лисью шкурку, вдругъ
повернулся опять всѣмъ своимъ тѣломъ въ сторо-
ну Сидора Кодюхина и вскрикнулъ: „О-о-оскій?!“

„О-о-оскій!“ — отвѣтилъ Сидоръ Кодюхинъ,
стоя уже на одномъ мѣстѣ и поправляя разор-
ванный воротъ рубашки.

И его собесѣдникъ совсѣмъ успокоился.

„Одно издѣвательство!—съ сердцемъ проговорила давно стоявшая на горѣ баба въ красномъ платкѣ.

„Ваше-ство!—обратился въ саняхъ тонкій человѣкъ, ощупывая рукою свою ногу возлѣ щиколки, къ своему сосѣду — А количество безлошадныхъ можно увеличить *еще* на единицу!?”

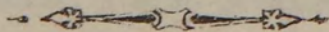
„Да, по губерніи“ — отвѣтилъ человѣкъ въ енотахъ.

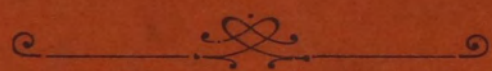
„О-о! непременно увеличу! какъ только приѣду, увеличу!... „Ваше-ство! — взвизгнулъ онъ совсѣмъ уже нечеловѣческимъ голосомъ — А утремъ мы носъ нынче безлошадными!“

„О, да!“ — сказалъ человѣкъ въ енотахъ, самодовольно улыбнувшись.

Тонкій человѣкъ опять взвизгнулъ тѣмъ-же нечеловѣческимъ голосомъ.

И сани совсѣмъ скрылись изъ виду.

Цѣна 15 коп.

